

Н. А. Логинова

Б. Г. АНАНЬЕВ КАК ПЕДАГОГ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (к столетию со дня рождения)

Жизнь выдающегося психолога Бориса Герасимовича Ананьева (1907–1972) отличается удивительной цельностью, что обусловлено главной направленностью его личности — познанием. Он был ученым до мозга костей, и все в его жизни подчинялось этому призванию. Многообразные способности этого человека объединились в гармоничный ансамбль его таланта, в котором не последнее место занимали и педагогические способности. Они расцвели тогда, когда Б. Г. Ананьев стал руководить созданной им же кафедрой психологии в Ленинградском государственном университете. Именно здесь, на отделении психологии, Б. Г. Ананьев воспитал коллектив, который стал ядром Ленинградской психологической школы.

Педагогические способности Ананьева проявились рано, еще в студенческие годы. В 1924 г. он поступил общественно-экономическое отделение Горского педагогического института в родном Владикавказе и уже в следующем году стал параллельно работать ассистентом кафедры педологии того же института. По-видимому, такое стало возможным благодаря активному участию Ананьева в научных исследованиях кафедры и кабинета педологии. Для становления Б. Г. Ананьева как исследователя имело значение приобщение к экспериментальной работе под руководством доцента Р. И. Черановского, тесно сотрудничавшего с рефлексологической школой В. М. Бехтерева.

В сентябре 1927 г. студент Ананьев прибыл в Ленинград на стажировку в Институт по изучению мозга и психической деятельности. Это стало для него судьбоносным событием. В Институте мозга, созданном В. М. Бехтеревым и сохранявшим его традиции, Б. Г. Ананьев прошел аспирантуру, заведовал лабораторией воспитания, а затем и сектором (отделом) психологии. Здесь он сформировался как ученый с яркой и самобытной творческой индивидуальностью.

Педагогическая деятельность Б. Г. Ананьева разворачивалась вместе с его научными исканиями. В процессе практической педагогической работы формировались психолого-педагогические взгляды ученого как составная часть его концептуальной системы. В свою очередь, концептуальная система выступала основой для практической педагогической деятельности. По мере развития концептуальной системы и научных исследований Ананьева его педагогическая деятельность нацеливалась на создание научной школы, воспитанники которой становились его сотрудниками и единомышленниками.

Для Б. Г. Ананьева характерно единство мировоззрения, научной концептуальной системы, социального поведения и профессиональной деятельности — исследовательской, организационной и педагогической. Свои педагогические убеждения он не только излагал на бумаге или в устных выступлениях, но и проводил в жизнь как воспитатель научной смены. Процесс воспитания превращался в практическую *педагогику науки*. Этим термином Б. Г. Ананьев обозначил не написанный до сих пор раздел педагогики высшей школы как научной дисциплины. Контуров последней были теоретически очерчены

им в психолого-педагогических статьях и практически определены в повседневной воспитательной работе профессора, заведующего кафедрой и декана¹.

Создание научной школы — особая педагогическая задача. В этом созидательном процессе, на наш взгляд, наличие целостной концептуальной системы ученого служит главным, хотя и не единственным, условием рождения научной школы. Вторым условием является личная и концептуальная совместимость главы школы и его учеников. Приобщение к научной школе — двусторонний процесс понимания учителя и учеников, и он осуществляется в совместной исследовательской работе по программе главы школы². Нужна к тому же и специальная педагогическая «технология» воспитания молодого исследователя.

В своей педагогической деятельности Б. Г. Ананьев следовал научным убеждениям относительно природы индивидуальности, индивидуального развития человека и сущности воспитания. Общим основанием его теории и практической деятельности явился антропологический принцип. Теория Ананьева, по сути, есть *антропологическая психология*, а ее психолого-педагогический раздел — педагогическая антропология. Ананьевская педагогика науки представляет собой реализацию этой теории применительно к условиям, целям и задачам высшей школы, а именно — классического университета.

* * *

Обратимся к истокам педагогических взглядов Б. Г. Ананьева и истории их развития. В статьях о подготовке аспирантуры³ и самостоятельной работе студентов⁴ Б. Г. Ананьев определил принципы работы со студентами и самоорганизации жизни молодого ученого. Он во многом сумел реализовать их в собственной педагогической деятельности и образе жизни. Уже на начальном этапе своей профессиональной деятельности, как и всю свою жизнь, Б. Г. Ананьев много преподавал в ряде ленинградских вузов: в педагогическом институте им. А. И. Герцена, Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, Институте усовершенствования учителей, Театральном институте, Ленинградском государственном университете и др. Причем практический опыт осмысливался и вливался в научные исследования ученого.

Б. Г. Ананьев глубоко понимал воспитательное значение психологических знаний и активно продвигал психологию как учебную дисциплину в средней и высшей школе. Так, в 1944–1945 учебном году он экспериментально преподавал курс психологии в одной из ленинградских школ. Опираясь на свой личный педагогический опыт, Б. Г. Ананьев обдумывал место психологии в системе образования, методические вопросы ее преподавания⁵. По его убеждению, психология служит для учащихся своеобразной энциклопедией знаний о человеке и тем самым гуманизирует образование.

В 1950-е гг. Б. Г. Ананьев с новой силой занялся проблемами педагогики, возглавив Институт педагогики АПН РСФСР. Здесь были развернуты коллективные исследования средней школы как педагогической системы, изучались закономерности формирования личности. По-новому ставилась цель обучения и воспитания — развитие детей, образование целостной структуры личности и ее сознания. Опыт тех психолого-педагогических исследований послужил базой для возрождения на новом уровне научного человекознания проекта педагогической антропологии К. Д. Ушинского, для которого характерна направленность на целостное развитие воспитуемых, опора на объективные внутренние его закономерности.

В 1960-е гг. Б. Г. Ананьев выдвинул проект *онтотпсихологии* как антропологической теории индивидуального психического развития на всем протяжении жизненного цикла человека — от рождения до смерти. Его более всего интересовала фаза зрелости,

в которой происходит расцвет всех способностей субъекта. Разворачивая масштабные исследования по психологии взрослых, он закладывал основы педагогики и психологии высшей школы, предметом воспитания в которой является взрослый человек — студент⁶. При активном содействии Б. Г. Ананьева были открыты психологические службы вузов в некоторых городах страны. Особенно успешно функционировала служба в Новосибирском электротехническом институте⁷. А созданный им факультет психологии ЛГУ в практическом плане мыслился как центр психического здоровья.

Как педагог и научный руководитель, Б. Г. Ананьев был исключительным явлением. Борис Герасимович в первый же год существования отделения психологии организовал студенческий кружок, где свои первые исследования проводили А. А. Бодалев, Л. М. Веккер, Е. В. Шорохова и другие известные впоследствии ученые. Не случайно в 1946 г. его, молодого тогда профессора, выбрали председателем вновь созданного студенческого научного общества университета.

Борис Герасимович привлекал студентов к ответственному исполнению исследовательских программ. При этом полагалось сначала примерить на себя роль испытуемого, потом освоить методику, приступить к сбору эмпирических данных на других людях. Полученные студентами результаты шли в общую копилку, обобщались в монографиях самого Б. Г. Ананьева и его сотрудников. Таким образом, студенческая научная работа не была только учебной, а превращалась в профессиональный исследовательский труд. Борис Герасимович любил молодежь, по-настоящему заботился о своих учениках, даже когда они выходили в самостоятельную научную жизнь. Он видел в молодых новичках коллег и соратников. Такое отношение окрыляло.

Стиль научно-педагогической деятельности Б. Г. Ананьева точно охарактеризовал А. А. Бодалев, в тот период студент, а затем аспирант отделения психологии ЛГУ. Он отмечал, что Борис Герасимович «органически не выносил исследований, которые доказывали, что „Волга впадает в Каспийское море“. Энциклопедически образованный ученый, постоянно устремленный на открытие еще неизвестного в психологии, глубоко понимавший, что человек — это единое целое, и психику можно познать лишь на путях комплексного подхода к его изучению, он и учеников своих приучал исследовать только те проблемы, которые не получили еще освещения в науке. И еще: неся в себе великую преданность делу науки, он постоянным своим творческим горением, неординарностью подходов к трактовке связей простых и сложных феноменов психики между собой и факторами, которые воздействуют на их содержание и форму, невольно изгонял из своих учеников «школярство», незаметно для них развивал у каждого привычку искать или создавать незаезженный многократным употреблением методический инструментарий для изучения внутреннего мира человека»⁸.

Как бы вторя ему, вспоминает об Ананьеве-педагоге Екатерина Васильевна Шорохова, бывшая в числе первых четырех студентов психологического отделения ЛГУ (выпуск 1947 г.): «Мы были в центре внимания. На нас все пробовалось и пробовалось все хорошее. Что получилось — судить не нам... Борис Герасимович сразу так поставил дело, что мы всеми занятиями воспитывал уважение к науке с большой буквы. Лекции, которые мы вчетвером слушали по истории и теории науки. Практические занятия на базе факультета, «Бехтеревки», Института мозга, института Павлова были организованы так, что мы чувствовали причастность ко всему, что творилось в науке... Борис Герасимович так организовал работу, что он нас выпускал, может быть, с дрожью, на очень серьезные конференции. Так, в филармонии был юбилей Ушинского, и наряду с президентом АПН РСФСР Потемкиным Борис Герасимович выпустил с докладом студентку 4 курса (Екатерину Шорохову, тогда Лапшину.— *Н. А.*).

Атмосфера большого доверия и требовательности была нормой. Борис Герасимович нас пустил в самостоятельное плавание. „Выходите и утверждайтесь, как можете. Дальше думайте, что делать. Что нос повесили? Не получается? Заладится. Думайте дальше“. Борис Герасимович хотел, чтобы мы умели многое, работали не только головой, но и руками... Мы чувствовали, что являемся нужной составной частью научного коллектива. Планирование научной работы шло так, чтобы мы были участниками комплексных исследований. Тогда были заложены комплексные исследования по проблеме единства сознания и деятельности. С разных сторон доступными способами студенты участвовали в этом комплексном исследовании»⁹.

А вот еще свидетельства ученицы и ближайшей сотрудницы Б. Г. Ананьева Елены Федоровны Рыбалко, которую тот высоко ценил: «Он сочетал в себе умение зажечь идеи и предоставить полную самостоятельность, создать условия полной самореализации сил. Была уверенность, что именно с тобой рядом доброжелательный человек, что твои исследования ему приносят радость. Складывалась взаимно регулируемая система: он — резонатор, он — импульсатор, а ты приемник. Он создавал циклы научно-го творчества» (Из интервью в июле 1977 г. Запись моя. — *Н. Л.*).

Каждый из его сотрудников должен был участвовать в коллективных обсуждениях на заседаниях кафедры или лаборатории. Причем Борис Герасимович буквально всех заставлял высказываться, и это побуждало думать, формулировать мысль, отстаивать ее. Ананьевские четверги столь насыщены и поучительны для ученых, особенно молодых, что вполне могли бы войти в историю отечественной психологии наряду с Павловскими средами и Бехтеревскими пятницами. Очень жаль, что они мало и скупо зафиксированы документально.

Б. Г. Ананьев точно угадывал индивидуальность человека и заботился о ее развитии, а если научная судьба кого-либо из талантливых учеников не сложилась, чувствовал себя как будто виноватым. Борис Герасимович много сил отдавал тому, чтобы научить новичков работать в науке — формулировать задачу, ставить эксперимент, работать с фактическим материалом, делать обоснованные выводы. Ежедневно приглашал своих дипломников, аспирантов или соискателей для научных бесед. Вначале просто рассказывал о замысле конкретной работы, требовал, чтобы ученик все подробно записывал. Позже давал задание прочитать лекцию по новым, собранным аспирантом материалам перед студентами психологического факультета, тем самым способствуя глубокому осмыслению пройденного этапа исследования. Затем вместе с аспирантом анализировал фактические данные. И это было, пожалуй, самым поучительным. Он радовался каждому новому факту — хотя бы даже какому-нибудь коэффициенту корреляций.

Б. Г. Ананьев был мастером индивидуального подхода в практической педагогике. Это проявлялось в постоянном внимании к каждому студенту, изучении его личности путем наблюдений, анализа продуктов деятельности. Через руки Б. Г. Ананьева прошли сотни студенческих конспектов, что обогащало его представления о характере и уровне умственной работы того или иного студента. Кроме того, студенты подвергались всестороннему лабораторному обследованию, так что на каждого было собрано своего рода психологическое досье, содержание которого обсуждалось в узком кругу исследователей с целью понять индивидуальность каждого воспитанника, прогнозировать его развитие.

Выпускники факультета (отделения) психологии вспоминают, как Б. Г. Ананьев напутствовал их перед выходом в самостоятельную профессиональную жизнь. Вот свидетельство Екатерины Ивановны Степановой, выпускницы 1949 г.: «На следующий день после вручения диплома об окончании университета полный состав нашего выпуска был приглашен на встречу с Борисом Герасимовичем, который в беседе со студентами нашел для

каждого слова, вооружившие путевкой в жизнь... Оказалось, что он знал каждого из нас. Мы не были для него безразличны. Его волновала судьба каждого выпускника»¹⁰.

Борис Герасимович хотел бы выпускать своих универсантов студиями, чтобы к месту работы приезжал более или менее готовый коллектив единомышленников. Так получилось, например, в 1971 г., когда в Новосибирск и Томск по государственному распределению прибыли мои однокурсники В. И. Кабрин, Л. В. Меньшикова, М. А. Холодная, Л. Ф. Шеховцова. Они сумели создать в этих городах центры психологического образования, психологической науки и практики.

Успеху педагогической деятельности Б. Г. Ананьева не мало способствовал его выдающийся ораторский дар. Делал ли он научный доклад, выступал ли на Ученом совете как оппонент, читал ли лекции студентам, он завораживал аудиторию, увлекал за собой. Его лекции были похожи на научные доклады, поэтому требовали интенсивной умственной работы студентов. Борис Герасимович не подлаживался под аудиторию, но вел ее за собой. Он не давал готовых ответов — он размышлял вслух и оставлял некоторое поле неопределенности, что особенно побуждало нас, слушателей, разобраться самим в том или ином вопросе. Он считал, что студенты должны жить напряженной умственной жизнью, и умел побуждать к этому. В своих выступлениях Б. Г. Ананьев приоткрывал двери творческой лаборатории, демонстрировал самый процесс научного мышления и тем самым учил нас думать. Никогда в его выступлениях не было «воды». Все очень насыщено, лаконично и стройно. При этом в лекции или докладе Ананьева явственно чувствовалось, что все сказанное им глубоко продумано и, более того, лично выстрадано. Это производило неизгладимое впечатление.

В учебных лекциях Б. Г. Ананьева соблюдалась гармония теории и факта. Он приводил данные, почерпнутые из собственных исследований, из отечественных и зарубежных авторов, причем любил записывать информацию на небольших листочках, а во время лекции переносить ее на доску. Иллюстрировал лекции, рисуя на доске схемы. Не использовал готовых таблиц и других наглядных пособий. Не зачитывал под запись, не давал перечня вопросов и даже не всегда обозначал тему, потому что лекция продолжала предыдущую, и получалось непрерывное размышление вслух. Впрочем, этот процесс был всегда хорошо структурирован, мысли лектора разворачивались в строгой логической последовательности. И лишь изредка допускалась короткая ассоциативная вставка — как бы на полях — для примера или мимолежного педагогического назидания.

В памяти сохранился облик Ананьева, читающего лекцию. Мы, первокурсники, сидим в мраморном зале — в сороковой аудитории на Красной (теперь Галерной) улице, в бывшем особняке графа Бобринского, где размещался факультет психологии. Борис Герасимович, строгий и сдержанный, точный и лаконичный, все более увлекаясь, рассказывает свою теорию ощущений. В особо важных, итоговых моментах рассуждений делает характерный жест — сводит вместе ладони, как бы закругляя и объединяя суждения. Изящные кисти рук, сосредоточенный взгляд больших темных глаз — весь облик производит гармоничное эстетическое впечатление.

Борис Герасимович применял новую методику приема экзамена по общей психологии. При подготовке ответа по билету разрешалось пользоваться справочной и научной литературой (но не учебниками). Экзаменатор оценивал не только знания, но и умение самостоятельно мыслить и работать с книгой.

Торжественно и на высоком научном уровне проходили защиты дипломных работ выпускников факультета. В большом зале собиралось немало народу, как на защиту диссертации. Лучшие выпускники и были почти кандидатами, так как выполнили серьезные и объемные исследования. Нарядные и собранные, они делали доклады и получали

заслуженные похвалы и критику. Борис Герасимович неизменно вникал в суть работ, давал проникновенный анализ дипломным работам и напутствие выпускникам. Он раскрывал перспективы и побуждал к продолжению научных исследований.

Не только учеба и научная работа заботила Б. Г. Ананьева, но и общественная жизнь факультета, профсоюзной и комсомольской организаций студентов. Ему было важно, что через общественную деятельность будущий специалист может научиться взаимодействовать с разными людьми, отстаивать свою точку зрения, пропагандировать психологию в обществе. Сам профессор отличался активной гражданской позицией и призывал нас к этому не столько словами, сколько личным примером.

Эпизодические, пусть даже яркие, воспитательные мероприятия, по мнению Б. Г. Ананьева, не приносят больших плодов в воспитании. Нужна повседневная работа, налаживание содержательной и продуктивной жизни воспитанников, чтобы ни один день, проведенный в стенах университета, не проходил впустую. Он умел насыщать жизнь руководимого им коллектива событиями. Причем студенты были в них непременно и желанными участниками. Студентов приглашали на заседания Ученого совета, кафедры, диссертационного совета и научного теоретического семинара. Еще в 1940-е гг. была заложена традиция отделения-факультета психологии ЛГУ-СПбГУ, которая состояла в расширении научного горизонта ленинградских психологов, включая студентов и аспирантов, путем общения с представителями иных научных школ, крупнейшими учеными из разных научных центров страны. Борис Герасимович хотел, чтобы студенты не замыкались в рамках избранной теории, а могли вступать в диалог и сотрудничать с представителями иных научных школ.

В 1945 г. на кафедре психологии ЛГУ выступал С. А. Рубинштейн. Позже он делал доклад в актовом зале университета, и студенты были его благодарными слушателями. Тогда Б. Г. Ананьев говорил им: «Впитывайте в себя великие психологические идеи от ученого колоссальной умственной силы» (по воспоминаниям Е. В. Шороховой).

В 1968–1970 гг. Б. Г. Ананьев организовал так называемые выездные сессии на факультете, когда в Ленинградский университет приезжали ведущие психологи страны из МГУ, НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологического института РАО), Института психологии АН Грузинской ССР, Украинского института психологии. Мы имели счастливую возможность увидеть воочию и услышать авторов известных и влиятельных психологических теорий, лидеров научных школ А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурия, А. А. Смирнова, Л. И. Божович, А. С. Прангишвили и др. О тех встречах-событиях неизменно вспоминают бывшие студенты. Все это осталось в их памяти навсегда и, несомненно, повлияло на их профессиональное развитие.

* * *

Личность ученого — решающий фактор в воспитании научной смены. Ананьевская убежденность и увлеченность познанием, преданность любимой науке передавалась его ученикам. Под научным и педагогическим руководством Бориса Герасимовича происходило ускоренное и эффективное становление молодого ученого. Люди росли, защищали диссертации, а самые талантливые создавали свои научные направления. Таким образом развивалась, крепла психологическая школа Б. Г. Ананьева — яркая соборная индивидуальность отечественной психологической науки.

---

¹ Педагогическим взглядам Б. Г. Ананьева посвящена кандидатская диссертация И. Б. Хлебниковой, выполненная под руководством В. А. Якунина в 1987 г. (*Хлебникова И. Б. Педагогические идеи в творческом наследии Б. Г. Ананьева: Дисс. ... канд. пед. наук. Л., 1987*).

² *Логинова Н.А.* Феномен ученичества: о приобщении к научной школе // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 106–111.

³ *Ананьев Б.Г.* О методах подготовки аспирантуры // Научный работник. 1929. № 5–6. С. 40–44.

⁴ *Ананьев Б.Г.* О самостоятельной работе студентов // Фронт науки и техники. 1934. № 5–6. С. 97–101 (совместно с В. Бойцовым).

⁵ *Ананьев Б.Г.* О воспитательных задачах преподавания психологии // В помощь преподавателю психологии в средней школе: Сборник методических материалов. Л., 1948. С. 3–10.

⁶ Не случайно в 1969 г. на базе факультета психологии был открыт Головной совет по психолого-педагогическим проблемам высшей школы Министерства высшего образования РСФСР во главе с Б. Г. Ананьевым (заместителем была Н. В. Кузьмина, ученым секретарем Н. А. Розе). С 1973 г. в ЛГУ начали издаваться сборники «Вопросы педагогики и психологии высшей школы».

⁷ Руководителем психологической службы НЭТИ являлась в течение многих лет Л. В. Меньшикова — выпускница факультета психологии ЛГУ 1971 г. Ее исследования по психологии высшей школы изложены в докторской диссертации «Формирование индивидуальности студента в процессе обучения в вузе» (1998), выполненной в духе Б. Г. Ананьева.

⁸ *Бодалев А.А.* Психологическая наука глазами ветерана // Психологический журнал. 1998. № 5. С. 130–131.

⁹ *Шорохова Е.И.* Выступление на торжественном заседании, посвященном 10-летию факультета психологии ЛГУ. 15 октября 1976 г. Запись автора.

¹⁰ *Степанова Е.И.* Становление психологической школы Б. Г. Ананьева: Памятные даты и события. М.-СПб., 2003. С. 114.